

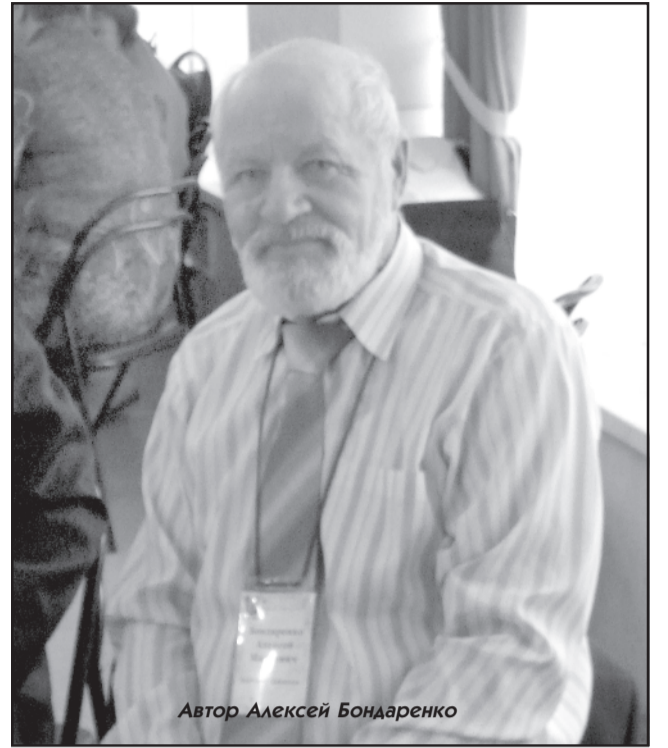

Творческому воображению
"История" моего детства
и вседневных увлечений, друзей по душе,
своих же интересов и добрых
взглядов.

В. Ананьев

на коленях, перемазанный грязью, и что-то невразумительно мыча, бодал головой ворота ее старик.

Тут уж терпению Дарья пришел конец. С ненавистью глянув на мужа, она принялась костерить его, применив весь свой богатый словарный запас. Когда до хрипоты накричалась, устало выдохнула:
- Сызнова нажрался, орясина. Наградил же

Автор Алексей Бондаренко

ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА

Продолжение, начало в №38, 39

- Привиденье... - ужаснулся Евсей и неистово перекрестился. — Господи! Спаси и сохрани раба твоего.

Девушка стояла, разглядывая старика озорными лукавыми глазами:

- Что дедушка Евсей, предлог? Немудрено. Такое непогоде под елкой пережить!

И, вдруг, приблизившись к старику, понимающе усмехнулась:

— Ой, дедушка Евсей, да ты тут не один был, поделкой-то. Запах от тебя всю грозную свежесть перебивает. Ох, и влетит тебе от твоей бабки Дарья.

- А ты кто така? Откель знаешь? Следишь, чо ли, за мной? — удивленно спросил Евсей, настороженно оглядываясь вокруг: девка-то чужа совсем - откель она тута взялася!

Старик отвернулся от девушки и стал незаметно осенять себя крестным знаменем, приговаривая:

- Чур меня, чур. А вдруг как привиденье? Спаси и сохрани мя, Господи!

- Больно мне надо следить за тобой, старый ты валенок! Не к тебе пришла, и не тебя ищу. Иди вон, рысак своего домой гони, - девушка кивнула головой в сторону старой изъезженной кобылы, которая мирно посапывала чуть поодаль ели, отвесив нижнюю губу.

Звонко рассмеявшись, незнакомка взяла в руки свою длинную косу и, как кнутом, легонько хлестнула по крупу дремавшей лошади. Та спросонья, взбрыкнула, как молодая, и наметом помчалась в сторону деревни. Жеребенок затрусил следом за матерью.

- А теперь и ты иди, дедушка. Некогда мне с тобой разговаривать, - сказала девушка, продолжая озорно улыбаться.

Она была до того мила и пригожа, что все страхи Евсея разом рассеялись. Ему захотелось поговорить с ней. Расспросить, откуда она, из какой деревни родом и кто ее родители. Может, он их знает. Может, встречались где. О многом хотел спросить старик, но... Только он открыл рот, как девушка на его глазах, стала растворяться и слилась с голубым

туманом, который медленно и плавно удалился вглубь лощины. Лишь доносился до Евсея ее звонкий заразительный смех.

Старик Евсей так и стоял с открытым ртом некоторое время. Но вдруг содрогнулся весь, и ему стало жутко. Он снова принялся неистово креститься. Затем, как молодой, почище своей кобылы, перепрыгивая кочки и колдобины, со всех ног рванул в деревню.

Запахавшись, старик добежал до окрайки поля. Силы оставляли его. Казалось, что он больше не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Но, вспомнив лощину, туман и колдовскую девушку с ее заразительным смехом, Евсей

Корова вроде бы немного присмирела, и Дарья, снова удобней уютившись на маленькую лавочку, зажав в коленях подойник, торопливо принялась за свое привычное дело.

Упругие струйки молока звонко застучали о стенки подойника. Но корова, вновь укушенная комарами, дернулась, взмахнув хвостом, и сильно хлестнула хозяйку по лицу.

- Это чо деется-то! Чо деется! — взъярилась старуха и ткнула кулачишком корову в бок.

Та будто только этого и ждала. Она, саданув копытом, выбила подойник и, высоко задрвав хвост, кинулась в полуоткрытую калитку и, дуй- не стой, запоскотину. Калитка с си-

Господь миня муженьком! Ты чо мычишь-то, окаянный? Али слова все растерял? Али рот раззявить уж не можешь? Чо башкой-то своей дырявой трясеешь? Чичас я табя энтой палкой быстро разговорю!

Дарья, замахнувшись, хотела огреть старика по спине, но вдруг замерла: да Евсей на себя не похож! Бледный, осунувшийся. «Да было ли когда с ним тако?!» - мелькнула у нее в голове. А когда внимательно пригляделась, сердце от боли зашлось. «Да уж не помират ли он?» - встревожилась она. Ярости в ней как не бывало, душу сдавила тревога.

- И чо энто с тобой, Евсеюшка, поделалось? Пошто так сразу то помирать

упал на колени и пополз. Так, на четвереньках, и пополз он к своим воротам.

Старуха Дарья доила корову. Комары черной тучей кружили во дворе, не давая покоя ни хозяйке, ни животине. Корова беспрестанно переминалась с ноги на ногу, крутила и хлестала хвостом, попадая то себе по бокам, то по лицу доярки.

- Ты постоишь, пропастина, али нет! А то я табя сейчас палкой отвожу, - ругалась Дарья. — Чо набычилась-то. Ишь, гляделками на миня зыркаешь, будта бы я энтих кровососов пригнала!

И уже примирительно добавляла:

— Откель тока леший столь напасти пригнал - спасу от них нету! Дымокур даже не помогают.

лой захлопнулись за ней.

- Ну, ты у меня додержась! Ну, ты у меня дождешься, пучеглазая! Все одно явишься домой. Я тогда табя орясиной отхожу, - крикнула вслед корове вконец разозлилась Дарья и, подбрав измазанный навозом подойник, подалась к бочке из-под потока, чтобы отмыть его. С остервенением моя подойник, Дарья продолжала на чем свет ругать свою непутевую корову. Гневную речь ее прервал стук в ворота.

— А, нагулялась! Набегалась! Явилась все жа, курва брыкаста! Я табя чичас постучу! Постучу-у-у. Получишь ты у миня таперича отрубей!

Дарья, схватив палку, ринулась к калитке. Распахнув ее, она ахнула и опешила. Перед ней, стоя

собрался? Ить и я без табя на энтом свете не задержусь. Може оклемашься и подымишься, - запримитала старуха, с опаской оглядываясь. — А то вона уж соседка в окно зырекат. Ей, Меланье-то, тока на язык попади - чичас же растрезвонит по всей деревне! Ну, подымайся, подымайся скорей, Евсеюшка! Я ить не шибко в можете табя ташшить.

- Мы-ы-ы... Мы-ы-ы... - мотал головой старик, пытаясь приподняться. Но ноги подламывались и он снова падал на колени.

- Ну, скорее жа, скорее, - торопила старуха. — Хошь маненько обопришь на руки-то.

И она, поднатужившись, подхватила своего благоверного подмыш-

ки, и затащила в ограду. Зло зыркнув на окно соседки, которая так влипла в оконное стекло, что ее нос расплющился, как оладья, Дарья сунула в ее сторону большую дулю: на, выкуси, старая колода! Не дождесси концерту! И с силой захолопнула калитку.

Отмыв и приведя Евсея в чувства, Дарья тут же, во дворе посадила мужа на лавку, присела рядом и принялась его расспрашивать:

- Чо сделалось-то, Евсеюшка? Ить на тебе лица нет. Бывало ли так кожды? Аль кобыла лягнула невзначай? Али на ведмеда наткнулся? Скажывай жа, не таись.

- Ой, Дарья! Если бы ты тока знала, кака чуда со мной приключилась! Ой, Дарья! Расскажу - не поверишь, - тряс головой старик. - Девку я в лощине у Петрова поля видел. Такой девки отродясь не встречал. Вся она была из...

- Каку ишло девку? — перебила его старуха, подозрительно оглядывая мужа. — Ты чо, чокнулся? В своем ли уме? В твои ли годы за девками волочиться! Ах, ты, орясина! Вона откель ветер дует! Вона отчего свою пустую башку потеряла. А я-то, дура, жалуючи, пруго в ограду. Вот оно чо, значица! Ну, я табя покажу чичас «девку»!

Дарья нервно подпрыгнула на скрипучей лавке, и уже было кинулась за своей палкой, но старик остановил ее:

- Не зверствуй, Дарья — угомонись! Лучше послушай, чо сказывать тебе стану. И вправду ведь я девку в лощине видел. И туман там голубой был, и девка-то энта - будта бы вся из тумана, летуча. Ой, как летуча! И коса у нее по земле ташшится. И косой-то энтой она как хлестанет мою кобылку и не стало кобылки. А девка та вся хохотом изошлась, и тож утопла в тумане. Как будта бы ее и вовсе не бывало.

- Городишь всяку околесицу, сморчек ты старый!

Видать, спьяну померещилось, - ругалась Дарья, но рассказ мужа ее заинтриговал. Она, подняв глаза к небу, усердно несколько раз перекрестилась и вновь пристала к старику с расспросами:

И вправду, чо ли, видел-то?

- Вот те крест, - перекрестился старик. — Наяву, как тебя чичас вижу. Ой, и красива же девка - глаз не оторвать! Не видывал таких. Так и плывет, так и плывет... Так и хохочет... Я не вытерпел и спросил ее: откель, мол, така взялась? А она в ответ лишь хохочет да хохочет. Смешинка видно в рот попала. Да еще валенком старым меня обозвала. Вот таки дела со мной содеялись седня. Даже в себя притити не могу...

- Ой, вправду ли так? — снова перекрестилась старуха. - Не колдунья ли ли Шлапуниха на табя морок напустила? Ты, вона, чуть ума не лишился, а у миня корова стала сдрешной: хлещет почем зря хвостом, бьет копытом-то и гляди, руки переломат. Ой, не к добру энто все, Евсей. В праздник надо в город съездить. Там в храме Богу помолиться, защити от дурного глаза попросить. — Но вдруг насторожилась и вперила свои маленькие глазки в старика, точно шиль:

— Выдумал ить! Выдумал, орясина! Ты от энтого питья не просыхашь! Ведь сколь говаривала: прекрашай хлебать ее, проклятушшу! Прекрашай! Никак нейметса. Скоро тебе не тока девки - черти видятся зачнут. И поделам тебе. И поделам, орясина! Може, тавды хлебать перестанешь. Може тавды и девки мерешшиться на станут. Пришибила бы...

Замахнулась рукой старуха, но остановилась:

— Нет, жалко табя. Одной ить тожа не сладко...

Продолжение следует

Алексей БОНДАРЕНКО,
г. Енисейск